

ДУШИ СИРЕНЕВАЯ ЦВЕТЬ... ИЛИ ПРОСТО КАКАЯ-ТО ХРЕНЬ? БЕССУФФИКСАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ТЕКСТАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ¹

Михеев М. Ю. (m-miheev@rambler.ru)

Научно-исследовательский вычислительный центр
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Бессуффиксальные существительные — жен. рода 3-го склонения (*людская МОЛВЬ*) и — муж. рода 2-го склонения (*конский ТОП*) еще Пушкиным почитались как вполне законные *коренные* слова русского языка. Друг поэта В. Даль именно за их счет сильно «расширил» свой словарь. На рубеже XIX–XX веков эти слова, особенно первая группа, стали весьма активно употребляться (и порождаться заново!) в текстах русских писателей — как в поэзии, так и в прозе. В частности, их много у Есенина и Шолохова, последний из которых сделал диалектные и просторечные слова отчетливыми маркерами своего стиля.

Ключевые слова: идиостиль, Пушкин, Есенин, Шолохов, Солженицын, маркеры стиля, архаизмы, неологизмы

DUSHI SIRENEVAJA CVET'... OR JUST A NONSENSE (КАКАЯ-ТО КХРЕНЬ)? NOUNS WITHOUT SUFFIXS IN THE TEXTS OF RUSSIAN AUTHORS

Mikheev M. Ju. (m-miheev@rambler.ru)

Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nouns without suffixes, feminine, the 3rd declination (e. g. *ludskaya molv'*) and masculine, the 2nd declination (e. g. *konski top*) were honored by Alexander Pushkin as legitimate *root* Russian words. His friend, Vladimir Dal managed to «expand» his dictionary precisely thanks to these words. At the turn of the XIX–XX century these words, especially the first group, became very frequent in Russian poetry and prose. Some of them were recreated. We can find many interesting examples in Sergei Yesenin's and Mikhail Sholokhov's texts. The latter author, made out of dialect and colloquial words distinct markers of his style.

Keywords: poetic techniques, idiostyle, Pushkin, Yesenine, Sholokhov, Soljenizyn, markers of stile, archaisms, neologisms

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00402а.

1. Пушкин и — людская молвь

Пушкин в Примечании к «Евгению Онегину» (№31 — к строфе XVII главы 5), которое впервые появилось в первом отдельном издании романа, в 1833 году, писал:

В журналах осуждали слова *хлоп*, *молвь* и *топ*, как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (*Сказка о Бове Королевиче*). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопание*, как *шип* вместо *шипения*:

*Он шип пустил по-змеиному. (Древние русские стихотворения.)
Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.²*

Действительно, слова *шип* и *хлоп* в пору некодифицированности русского языка могли быть понимаемы в значении процесса или действия вместо слов *шипение* и *хлопание*, но — только в просторечии или, во всяком случае, в непринужденном стиле речи. Все же, как мне представляется, в цитированном примечании к роману Пушкин несколько лукавит, выдавая намеренно вызывающую цепь квазинародных словечек, неологизмов и архаизмов (здесь и далее подчеркивания в цитатах везде мои — М. М.) за вполне обычные слова русского языка того времени:

*Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ!*

С одной стороны, в цитированном примечании 1833 года Пушкин как бы устанавливает знак равенства между нормативным и просторечным вариантами: *шипение* — *шип*, *хлопание* — *хлоп*, что на самом деле сейчас не одно и то же (и более того: можно сказать ³*шип сигареты* вместо *шипение*, но невозможно **хлоп дверей* или — *окон*). С другой стороны, Пушкин ссылается на древнюю «Сказку о Бове», т. е. берет словосочетание из нее с *молвью* и *топом* — как цитату, хотя в «Онегине» она без кавычек, но по сути, слова из нее уже в то время скорее были архаизмами, нежели собственно просторечием. В самой «Сказке о Бове» это выражение встречается дважды, в идентичных формулировках, но только порядок компонентов там обратный, ср.:

(...) услышал Бова конский топ и людскую молвь [это в повествовании о Бове, а через несколько страниц текста, уже о его сопернике, потом ставшем слугой или верным помощником, — Полкане:] услышал конский топ и людскую молвь. И пришел Полкан к Бовину шатру (...).³

² ФЭБ: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol06/y062001-.htm>

³ «Сказка о Бове Королевиче (Переложение Сергея Сметанина)» — <http://dod.ru/surname/bova.htm>.

Между тем, надо думать, что упреки «чопорных» критиков, как их тогда, в 1830-е годы окрестил Пушкин, в чем-то тоже оправданны. Поэт пользовался вроде бы вполне законной моделью словообразования для порождения таких «первородных» слов, с нулевым суффиксом, но применял ее, требуя свободы языка несколько «с запасом», огульно. Он настаивал, что полученные в результате варианты равноценны общепринятым. На самом же деле, таких имен существительных, как *хлоп* (в отличие от междометия или глагола *хлоп* или от существительных *хлопок*, *хлопанье*), *топ* (в отличие от *топот*, *топанье*) и даже *мольв* (в отличие от *молва*), что тогда, так и сейчас нет.⁴ Или же — скажем, более аккуратно: их **почти** нет, если исключить сами эти Пушкинские их употребления и вдохновленные им, у других писателей, — из-за чего, конечно, и в словарях теперь они присутствуют.⁵ Для русского уха эти слова в соответствующем контексте безусловно понятны, и все-таки почему-то не становятся общеупотребительными, существуя лишь как некие стилистические довески, экзотизмы или поэтизмы: что-то вроде слов на некоем близкородственном славянском языке — *славенском* или церковнославянском. Во всяком случае, они ненормативны и пребывают на периферии языка, в зоне цитатных, прецедентных употреблений, на грани авторского казуса или чего-то подслушанного в народной речи.

Примечательно, что еще ранее (предположительно в 1828, но не позднее 1830) Пушкин в своей реакции на критику, обращенную к нему по поводу тех же *молви* и *топа* («Возражение на статью «Атенея»») в запальчивости откликнулся еще более «провокативно», процитировав вначале иронически-издевательское замечание одного из критиков:

*«Как приятно будет читать роп вм. ропот, топ вм. топот»
и проч. На сие замечу моему критику, что роп, топ и проч.*

⁴ Разве что в современном языке заимствованное *топ* в значении 'легкая блузка, майка на бретельках'. А вот зато у Есенина будет явный рефлекс Пушкинского (при обращении к буре): *топ громов уйми* (1917).

⁵ Число употреблений слова *мольв* в Национальном корпусе русского языка (далее — НК) более 200, объясняется в значительной части нераспознаванием омонимии имени и глагола (роди т. п. = 2 л. ед. ч. *молви*) или тем, что перед нами — явные цитаты *молви* Пушкинской: такова, в частности, Сологубовская «людская мольв» («В толпе» 1907), таковая же и у Салтыкова-Щедрина (1875). Встречаем это словечко и у В. Шишкова, Лескова — с явной стилизацией под народность, в устах соответствующего персонажа: *Патрикей Семеныч, как и со мною у них было, головою понурил, и губа у него одна по другой хлябает, а никакой молв нет.* («Захудалый род» 1874). Есть отдельные примеры у Каткова и Писемского... Но везде слово *мольв* имеет крайне ограниченную сочетаемость. Вот разве что у Гоголя сочетаемость приобретет хоть какую-то свободу: *мольв* у него не только *русская* (хотя и это уже нетривиально, как и в «Дневниках» Цветаевой: *Большевики мне дали хороший русский язык (речь, мольв)...*), но и — *молодецкая, и пьяная!* Но это единичные примеры: все-таки за границу цитатного употребления слово, на мой взгляд, так не выходит. Ранее Пушкина, по НК, слово вообще не зафиксировано. Получив от него свой первоначальный толчок, оно займет свое настоящее место — в поэтической речи.

*употребляются престолюдимами во многих русских губерниях —
NB мне случалось также слышать стукот вместо стук.*⁶

Однако даже в словаре Даля, который, вообще-то значительно расширяет реальные границы русского языка своего времени, при наличии таких слов как *стук*, *стукотня* и *стукотень*, слова **стукот* все же нет, так же как нет и слова **роп* (при наличии *ропота*, *роптанья* и даже *ропотни*).

2. *Грев и укryw* — у Даля и Солженицына

Конечно, в русском языке есть большое число вполне законных слов без суффикса, с одной стороны, мужского рода, оканчивающихся на твердый согласный: таких как *навал*, *обрыв*, *покров*, *прибой*... — существительных 2-го склонения, а с другой, — слов женского рода, с основой на мягкий согласный, 3-го склонения, типа *гарь*, *дочь*, *нить*, *постель*. Однако нас интересует группа слов со стилистически экспрессивными дубликатами и то самое пространство «потенциальных» слов, которые претендуют на место в языке, — свободе употребления которых, согласно завету Пушкина, «не должно мешать».

Стилистически маркированный элемент в них, в таких парах, по большей части формально отличается от нейтрального тем, что создается путем простого «укорочения» слова до «первообразного»: если упростить, то путем отбрасывания суффикса (наиболее вызывающе такое сокращение в «хулиганском» примере Пушкина: *ропот* → *роп*: в данном случае часть корня с беглым гласным); хотя, как мы видели и увидим еще, иногда бывает и наоборот, что экспрессивный коррелят возникает как раз путем дополнительного «наращивания» основы: *стук* → *стукот*.⁷

Итак, нас будут интересовать в этой работе именно такие стилистически маркированные слова с нулевым суффиксом, которые в языке имеют суффиксальные стилистически нейтральные дубликаты: с одной стороны, такие как *шипение* — *шип*, *согревание* — *согрев*,⁸ а с другой, такие как *песня* — *песнь*, *тишина* — *тишь*, *молва* — *молвь*...

Это последнее условие только желательное, а не необходимое: чтобы были в наличии и нейтральный, и маркированный стилистически аналог, как для

⁶ ФЭБ: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-054.htm>. Заметим, что форма слова *престолюдим* была в то время также одной из возможных — наряду с *престолюдиц*. — Так не сознательно ли здесь Пушкин воспользовался именно ей, как более редкостной, для подчеркивания своей мысли — удержания в языке разнообразия разных вариантов?

⁷ Вот вопрос: следует ли считать соотносимыми с обсуждаемой группой слов такие как *горение* (в качестве нейтрального варианта для слова *гарь*) и *дочь* — как, наоборот, экспрессивного, для *дочь*?

⁸ *Согрев* по НК встречается около 30 раз, от Куприна (1915), до наших дней: в основном, в сочетании для *согрева*, для *согреву* или в еще более экспрессивном варианте *сугрев*, для *сугреву* (частота около 50: начиная от Мельникова-Печерского, 1870, до наших дней).

нормативного *молва* — поэтический архаизм *молвь*, с той же самой приблизительно семантикой (в словаре Даля *молвь* и толкуется попросту через ‘молва’), но с некоторым отличным от нейтрального стилистическим ореолом — в данном случае чего-то архаичного, загадочного, неопределенного...

В начале XX века, сперва как будто только в поэзии, а потом и в прозе активизируются и получают массовое употребление выразительные единицы авторского языка интересующих нас типов. Известно, что Набоков, например, многие свои произведения специально уснащал диковинными словечками, позаимствованными из словаря Даля, чтобы поразить слух и глаз любителя и знатока словесности. Часто они оказывались просто хорошо забытыми перлами из того же Даля. (О языке «вывозного сорта» у Набокова — Михеев 1999:113.)

Позднее — уже в середине XX века — Корней Чуковский будет приветствовать появление таких самобытных слов в прозе Солженицына, критикуя переводы его текста, в которых выразительность народного языка теряется или нивелируется. Имея в виду перевод фразы несобственно-прямой речи повествователя в «Одном дне Ивана Денисовича» (1961), о предстоящей для бригады строителей работе на морозе:

*Ой, лють там сегодня будет: двадцать семь
с ветерком, ни укрыва, ни грева! —*

Чуковский писал:

*(...) стиль русского подлинника простонародный, крестьянский:
тут и лють, и укыв, и грев — слова, находящиеся в самом
близком родстве со словами молвь и хлоп, к которым в свое время
относился с таким сочувствием Пушкин (Чуковский 1966).*

Само слово *лють* (в значении лютость, зверство) — изобретение даже не собственно Солженицынское, а употреблявшееся до него, в частности, А. Ремизовым в 1920-е годы, и еще ранее, в середине XIX в., Ф. Буслаевым. Но к середине XX века оно уже явная экзотика и нужно автору для создания «сказового» повествования, ведущегося как бы от лица крестьянина, деревенского мужика, оказавшегося в лагере. То же касается и слов *укыв* и *грев* — слов также бессуффиксального типа, но оканчивающихся на твердый согласный. Именно последние, мне кажется, как раз наиболее характерны для Солженицына — в отличие от Шолохова, предпочтение которого было отдано другой модели — бессуффиксальным словам на мягкий согласный.⁹ В своем словаре (СРЯР) Солженицын указывает *грев* и *грение* в качестве синонимов при общем значении ‘нагревание, согревание, сообщение тепла’, т. е. действие и состояние

⁹ Это тем более удивительно, что оба автора происходили из приблизительно одних и тех же диалектных мест: станица Вёшенская, место постоянного обитания Шолохова, — в Ростовской области, а Солженицын жил в Ростове-на-Дону, пока ходил в школу. Возможно тут — полусознательное отталкивание поэтик?

по глаголу *греть* (или, как более систематически описано в словаре Даля, для *грение* и *укрытие* — с пометой 'длительное': так что хочется, сделав следующий вывод, предположить, что *греть* и *укрывать* — это процессы явно более кратковременные). У Даля некоторое существенное различие этих квазисинонимов состоит в том, что *укрывание* — именно 'длит. действие по гл. *укрывать*', т. е. по глаголу несовершенного вида(!), а *укрывает* — действие по гл. *укрыть*, вида совершенного.¹⁰ Но если отвлечься от тонких и почти неуловимых различий в аспектуальных категориях, то слово *укрывает* — это просто экспрессивное словечко, заменяющее слово *укрытие*, такое же, как *греть*, употребленное вместо более нейтральных — *нагревание*, *согревание*, *обогрев* или даже (недостаточно экспрессивного?) — *сугрев* (у Даля — 'печное, избное тепло').

Во всем словаре РСЯР мною была выборочно обследована приблизительно десятая часть, а именно слова на букву «О». Среди них оказалось около 200 бессуффиксальных существительных — из которых 110 на твердый согласный (такие как: *обмёр* — 'продолжит. сост-ие обмершего, похожее на смерть'; *оглас* — д-е по гл. [*огласить*], *огласка*; *оглод* — 'объедала; голодный человек'; *оперед* — д-е по гл. *опередить*). И — уже почти вдвое меньше, 65, существительных на мягкий согласный (*объедь* 'остатки еды, объедки'; *одержь* 'удерживание, придерживание'; *опась* 'опасение, опаска'; *оставь* — д-е по гл., оставляемая вещь).

Надо заметить, что практически все эти единицы словаря совпали со словами «живого великорусского языка», которые более чем за 100 лет до этого занес в свой словарь Даль. Хотя оказались и некоторые несоответствия: у Даля, конечно же, таких слов значительно больше (он видимо почти буквально, с неким нордическим педантизмом, подошел к завету своего друга Пушкина по части обеспечения равноправия в языке для таких маргинальных слов, как *молвь*, *хлоп* и *топ* — наряду с *молвой*, *хлопаньем* и *топотом*, но не *стукотом*), хотя и у Солженицына встречаются изредка такие слова, которых нет в Дале.

3. *Непролазь* М. Шолохова и *усталь* Ф. Абрамова

В работе (Смирнов 2001), посвященной анализу лексики Шолоховского «Тихого Дона», автор фиксировал наличие того, что было им названо — «экспрессивными морфологическими дериватами». Говоря о возможности определить регулярность появления таких элементов в тексте, автор обращает внимание на то, что диалектная лексика и просторечие используются в романе не только для обозначения бытовых реалий — таких как *майдан*, *баз*, *курень*, *зипун* и т. п., но и гораздо более широко, включаясь в реплики персонажей и даже в сами описания от автора. Таким образом весь текст целиком оказывается захвачен диалектной стихией. Смирнов предлагал выделять среди слов, несущих экспрессивную нагрузку в тексте, различные классы: «в процессе первого чтения видно, что они делятся на отдельные вполне устойчивые группы:

¹⁰ Таким образом, Даль как будто был склонен усматривать некие аспектуальные различия в формах самих имен существительных?

непролазь, желтень, сухмень, прель, чернь, вызвездь, шелковье, обрубковатый, клешнятый, ногтястый, шишкастый, рукастый, пятниться, прямиться, кучиться, закржистеть, посмирнеть, заосенеть...» — Здесь первая шестерка слов как раз отвечает нашим требованиям: это существительные 3-го склонения на мягкий согласный, либо с укороченной за счет суффикса основой, либо с удлинненной относительно нормативного слова формой. Автор статьи предлагал в дальнейшем собрать весь словарь Шолоховских «морфологических экспресем» и, поделив на разновидности, «статистически измерить их распределение по тесту». Однако в указанной статье эта мысль так и не доведена до завершения, а потом продолжения статьи, как было обещано, не последовало.

Ниже приводится такое перечисление — но только первого класса из выделенных, т. е. слов 3-го склонения, либо диалектных, либо просторечных, либо создаваемых автором ad hoc неологизмов, которые рассеяны по всему «Тихому Дону» (далее сокращенно ТД): *белесь* (2+1)¹¹, *бель* (3), *вызвездь* (1), *гнусь* (2), *голубень* (1), *добычь* (1 — только в черновике), *желтень* (1), *залезь* (ед. ч.) (1), *звень* (1), *калечь* (1), *картофель* — ж. р. в черновике (2), *кипень* (1), *киповень* (1), *марь* (8), *молодь* (2), *наволочь* (1), *немочь* (2), *непроглядь* (3), *непролазь* (4), *ободь* — в значении 'обод' (1), *пахоть* (3), *повитель* (10) *повить* (1), *полсть* (21), *пóмочь* (4), *прель* (3), *прожелтень* (2), *прозвездь* (5), *прозелень* / *сизозелень* (8+1), *промасть* (1), *расторопь* (1), *ребятёжь* (1), *ржавь* (2), *ровень* (1), *ростепель* (7), *росшивь* (2), *рыжевень* / *рыжевелъ* (2), *сколизь* (3), *стынь* (4), *супонь* (2), *сухмень* (4), *сырь* (1), *темь* (4) *толочь* / *сутолочь* (1+1), *усталь* (8), *хмарь* (5), *чернь* / *чёрнеть* / *исчернь* (8+1+1). Всего же таких экспресем — более 50, или более 150 всех употреблений, при средней частоте появления (если включить и те, что остались только в черновых вариантах) — на каждой 6-й странице романа.¹² Больше, насколько мне известно, в таком объеме этот прием в литературе никем не эксплуатировался.

Приведу для иллюстрации несколько примеров, из первой части романа:

- реплика героя в диалоге во время рыбалки, в 4 главе:

— *Обходи глубе!* — *откуда-то из вязкой черни* голос отца. —
В 1-м черновом варианте рукописи на этом месте видна правка:
[— Обходи глубе!.. Тина!.. — откуда-то из вязкой ²черной^{тм}
¹пустой темноты ^{голос} ревет отец^{на}.]¹³ — *То есть вместо вязкой черной пустой темноты у автора первоначально появляется вариант вязкой пустой черноты, а затем и — вязкой черни;*

¹¹ В скобках указывается число употреблений данного слова в романе: первоначально *белесь* была равномерно в трех местах: в 1-й, 3-й и 6-й, т. е. последних частях романа, но в позднейших редакциях из 1-й части слово было убрано.

¹² При этом такие слова, как *бестолочь* и *изморось* в этот список, естественно, не включены, как слишком общеупотребительные.

¹³ В квадратных скобках — рукописный текст автора с его правкой: зачеркиваниями, исправлениями и вписываниями поверх, по изд. (Рукопись). (Надстрочные цифры — авторские изменения порядка слов.)

- слова от автора, о болезненной свекрови Аксиньи, в 7 главе:

Посуетившись, падала на кровать и, вытянув в нитку блеклую желтень губ, глядя в потолок звереющими от боли глазами (...). — В черновике вместо этого еще были: [блеклые желтые губы], но в беловике уже сразу так, как в окончательном тексте, желтень, без видимой правки;

- при описании погоды, в 8 главе:

Побрызгивал дождь. Хмарь висела над хутором — в черновике этой фразы еще не было, а в беловике — с правкой: [ХМарь висела над хутором.] — где заглавное «Х» явно вписано впереди первоначально заглавного «М»¹⁴.

В работе (Войлова 1988, 29), посвященной всё той же интересующей нас группе бессуффиксальных существительных 3-го склонения, но выделяемых в прозе Федора Абрамова, отмечалось, что и у этого автора множество таких слов: хотя в целом в современном русском языке нулевая аффиксация не является продуктивным способом словообразования — таким, например, как аффиксальный.¹⁵ Эти слова у писателя носят и литературный характер, и разговорно-просторечный (*темень, хворь, рвань, погань, хмурь, дурь, голь, усталь*) и диалектный — *гóворь, тэсень, нэроботь, гадь, гребь* (приводятся примеры из текстов «Дом», «Последняя охота», «Пелагея», «Сказание о великом коммунаре»).

В той же работе справедливо отмечен прием расширения смысловой перспективы, или семантического объема слова — как, например, у слова *рвань* за счет совмещения двух значений, прямого и переносного: по Ожегову, 1. разг. 'рваное платье, обувь' (...) и 3. перен., собир. 'мерзавец, негодный человек'. Т.е. сам признак производящей основы здесь как бы усиливается и слово может приобретать значение 'всё, что связано с рваным'. Или же в слове *хмурь*, где передан и смысл 'хмурое выражение лица', и 'душевный дискомфорт' (там же, 31-32).

Безусловно, определенную генерализацию способ «нулевой аффиксации» словам придает.

4. *Цветь и звень* — Есенина

Видимо, именно конец XIX и начало XX века — время зарождения самой «моды» на употребление таких словечек, которые «сработаны» в народном

¹⁴ По Донскому словарю (ДС), *хмара* — туча; *хмарь* — мгла, пелена темных туч; у Даля слова *хмарь* отсутствовало, но было *хмара* — 'темное облака, туча', 'пропасть, бездна', 'угрюмый человек'.

¹⁵ Производящими основами, по мнению Войловой, могут быть только основы имен прилагательных и глагола (ср. ниже).

духе. В недавней статье (Плунгян 2013) при обстоятельном рассмотрении истории слова *жуть* в параллель к производящему для него прилагательному *жуткий* было выяснено, что исторически само существительное возникло сравнительно недавно — лишь только в конце XIX века.

Вообще, надо отметить, что интерес к словечкам бессуффиксального типа, оканчивающимся на мягкий согласный, значительно возрос почему-то именно на прошлом рубеже веков. Какому из литературных течений (или кому именно из авторов персонально) русский язык этим обязан, предстоит еще выяснить, но нельзя не обратить внимание на Есенина, который и в поэзии, и в своей ранней прозе (повести «Ярь», 1915), «синтезировал авангардистскую поэтику и образные традиции средневековой русской литературы» (Даньдань 2014: 102), причем контекстом для его неологизмов были «не только лексические эксперименты Хлебникова, Маяковского, Северянина, но и односложные и двусложные безаффиксные существительные, соответствующие архаической фольклорной традиции, как, например, *водь*, *звень*, *сочь*, *трясь* и др.» (там же, с.104).

Ранее об интересующей нас группе слов у Есенина писала и Е. М. Галкина-Федорук (1965, с.20), говоря о словах, образуемых отбрасыванием концов слова от существительного или, чаще, от глагола. При этом она отмечала, что «употребление односложных или двусложных бессуффиксальных существительных и является одной из специфических черт этого общего есенинского тона» (там же, 21), что касалось слов вроде *ширь*, *синь*, *солнь*, *стыть*:

Цветы людей и в солнь и в стыть
Умеют ползать и ходить. (1924)¹⁶

Исследовательница отмечала у Есенина помимо вполне литературных — таких как *хмарь*, *крепь*, *гладь*, *темь*, *голь*, *смоль*, еще и диалектные — *выть* ‘участок пашни, надел земли’ (*Черная, потом пропахшая выть!* 1914), *хлюп* (1914), *сырь* (1915), *хлябь* и *водь* (1919), *ржавь* (1920), *мреть* (1921)¹⁷, *цветь*

¹⁶ Впрочем, слово *солнь* появилось у Есенина с 1916 г., а до него было у Божидара (Богдана Гордеева), в 1914. У Салтыкова-Щедрина ранее уже встречалось *слякоть* и *стыть* (1857), а у Клюева: *Синь* и *стыть* (1915).

¹⁷ СРНГ есть только глагол *мреть*, но он очевидно не подходит по смыслу: Перм. ‘смеяться до упада, умирать со смеха’. Вот у Даля этот глагол означает ‘мельтешить, маячить, брезжить, мерцать’, но есть и (он же?) в форме *мрѣять* — т.е. ‘мельтешить, неясно видаться, чуть просвечивать’. Довольно широко употреблялся уже в XIX и начале XX века, у Лескова, Арцибашева, Сергеева-Ценского — Ранее, в XIX в. встречаем употребление этого глагола у Т. Шевченко (*Только чуть мреет влево что-то похожее на лесок.* — «Наймичка» 1844), позднее он же и в поэзии — у Вяч.Иванова (1904). В том числе и в форме причастия — *мреющий* (причастие можно воспринимать как производное от любого из двух глаголов — *мреть* или *мрѣять*): имя *мреть* у Есенина и образовано от них как бы нерасчлененно: *Все сжигает житейская мреть* (1923). Это можно понять или как ‘утомительное мелькание событий’ (как сказал классик-предшественник, «жизни мышья беготня»), или — ‘что-то застывшее, замершее, умершее’ — если воспринять этот неологизм производным уже от *умирать*, *обмирать*.

(1924), *никь*,¹⁸ *опадь* (1925), *стынь* и *звень* (1925) — среди которых много и неологизмов, не всегда, по-видимому, принадлежащих самому Есенину.

Галкина-Федорук утверждала, более того, что «эти слова у нас почти не изучены. Только у Г. Павского отмечен исконно русский характер этих безаффиксных существительных, образованных и от глагола, и от прилагательного» (там же, с.20).¹⁹ И еще очень важное наблюдение: «Эти краткие слова обладают особой ритмичностью из-за корневого ударения, и поэтому бесценны для поэтизации речи».

Важным преимуществом такого существительного без суффиксов — что для Есенина, то и для Пушкина, очевидно, была его выразительность, непривычность и краткость. Приведу замечание Есенина на эту тему, из воспоминаний Горького о нем:

(...) *Затем, наскоро, заговорил, что глагол «хаять» лучше, чем «порицать». — Короткие слова всегда лучше многосложных, — сказал он. (М. Горький «О Есенине» 1926.)*

Вот что встречается из слов описываемой модели только у одного Есенина: от *трясти* — *трясь*; от *томить* → *томь*²⁰, а также усечением основы прилагательных (*непутевый* → *непуть*, *окольный* → *окобль*, *удобный* → *удобь*, *яркий* → *ярь*).

Но при этом для него вполне возможным оказывается словообразование еще и от имени существительного: от *береза* — *бэрезь* (*Только видели бэрезь да цвeть* — 1924); от *польмя* — *польмь* (1917); от *воды* — *водь* (1924), от *ягоды* — *ягодь* (но это, кажется, в шутку, в инскрипте М. Мурашеву, на книге «Сельский часослов»: *Милому Михаилу на ядреную ягодь слова русского*).

Уже в «Яре» (1915) у Есенина встречаем:

- *дремь* — вместо принятых в языке *дрёма*, *дремота* или диалектного *дремотá* (согласно НК, после есенинского «Яра», где это слово встречается дважды, оно также появляется у Е. Замятина и у А. Малышкина, но до него было — в стихах Клюева, 1914);
- *на́вись* — как производное от глагола *нависать* / *нависнуть* (*черная навись бризнула дождем*) — что очевидно заменяет тривиальное *навес из туч*.

¹⁸ Этого слова нет в словарях, так что даже осмыслить без контекста его трудновато. Но по-видимому, его следует возвести к гл. *никнуть*, т. е. нечто понижему (у Есенина речь идет о ржи, которую топчет конница: (...) *как пошла по ней / Тут рать Деникина, // В сотни верст легла / Прямо в никь она.* («Песнь о великом походе», 1924).

¹⁹ Герасим Петрович Павский (1787-1863), священник, протоиерей, филолог, экзегет, переводчик Библии, основоположник русской библейско-исторической школы, — относил их к «коренным или первообразным именам», которых насчитывал всего около 2 тысяч, а суффиксы он при этом называет «окончательными слогами» (с. 13, 24). (По Павскому всех их следовало бы назвать — «бесчленными именами женского рода»!)

²⁰ Но в Деулинском (т. е. рязанском) словаре его нет.

В конце 20-х и начале 30-х годов слова с тем же корнем, но еще и с различными приставками активно употреблял С. Кржижановский;²¹

- *лунь*, произведенное от прилагательного *лунный* (или же прямо от — *луна*? Это же слово было ранее у Северянина, так что возможно оно заимствовано Есениным);
- *тужиль* / *тужильный* (по-видимому, тут явное отталкивание от «европейских» слов *траур* / *траурный*, слишком уж «официально-культурных» для сознания ориентированного на исконность)²² — производного от глагола *тужить*? (на голове женщины — *тужильная косынка*, в «Яре»)²³.

Широко использует Есенин и диалектные слова — *оброть*²⁴ (1915) и др. Тенденция игры с такого рода оригинальными, «посконными» словечками была и ранее, и остается позднее в стихах Есенина: от *выгибать* — *выгибь* (1918)²⁵; от *выбелить* — *выбель* (1921); от *крепить* — *крепь*; от *морозить* — *морозь* (1923), *обморозить* — *обморозь* (1915), *поморозить* — *поморозь*); от *омутный* (вместе и *омут*, и нечто *мутное?*) — *бмуть* (1922); от *цвести* — *цветь* (вместо слишком обыкновенного — *цвет* и, по-видимому, слишком обобщенного — *цветение*), от *бредить* — *бреть* (вместо обычного *бред*)²⁶.

Иногда, впрочем, и у Есенина слова не укорачиваются, а как раз удлиняются: вместо слова с нулевым суффиксом получается более длинное, с наращением суффикса *-ень*: от *голубой* — *голубень*, от *мокрый* вместо обычных *мокротá* или *мокрая погода* — просторечное *мокрень* (а также *мокреть*, *мокредь* или *мокреть*); или от *выбивать* — *выбень*, т. е. ‘нечто выбитое’, как, например, кучи камней на дороге; от *цвет* — *цвётень* (*В древесную цветень и сочь* — 1925). Или от *желтый* — наряду с литературным *желтизна* — не только просторечно укороченное *желть*, но еще и «удлиненное» *жёлтень*; иногда с добавлением или заменой приставок (последнее слово вместе со словом *прóжжелтень* — уже Шолоховские, правда, заимствованные им — или просто совпадающие со словечками Андрея Белого) или от *теплый* (*теплеть*), наряду с обычным *оттепель* → еще и *теплень*, и областное, с наращением уже приставочным — *ростепель*, а также

²¹ В пяти его текстах за 1928-1933 более 10 раз в формах — *навись*, *навесь*, *подвесь*, *привесь*, *свесь*.

²² Фасмер указывает, что это заимствование Петровского времени — из нем. *Trauer* ‘печаль, скорбь, траур’.

²³ Возможно, здесь прилагательное первоначально было образовано от глагола с суффиксом *-л-* по образцу *болелый*, *ходелый*, *держалый*, *озяблый*, *пахлый* и т. д. (Гецова О. Г. Словообразование // Русская диалектология (под ред. Л. Л. Касаткина). М. 2005, с.107 [Хотя Г. Павский сказал бы, что — от причастия.]

²⁴ По СРНГ, *оброть* — ‘конская узда без удил, недоуздок’ Костр. Арх. Пенз. Ряз. др.; у Ш только как *оброть* — Моск. Тул. Ряз. Дон. и др. (дважды, но только в ПЦ-1 — в ТД нет).

²⁵ Позже это станет очень частым словечком С. Кржижановского (9 раз в разных текстах, с 1927 по 1939).

²⁶ Как описание всего процесса или состояния в целом, а не одного только его внешнего проявления.

с беглым гласным (*ровный* → *рóвень*).²⁷ От прил. *гладкий* — на первом этапе может быть произведено *гладь*, но от последнего еще и *безгладь* — *А ныне я в твою безгладь / Пришел, не ведая причины* (как обращение к Кавказу — 1924)²⁸.

Наконец, возможна тут даже и вставка некоего квазисуффикса: как просторечное производное от *жизнь* → *жизень* (!) Но что подобная стилизация могла сопровождаться как «укорочением» слова, так и его «удлинением», с наращением, можно видеть на примерах образования слов не только при помощи *-ень*, но и суффиксов *-ость* / *-еть*, *-ть*, с близкими «обобщающими» значениями (согласно словарю Т. Ф. Ефремовой): суффикс «*-ен'* / *-н'*» (см. также *-вень*) присоединяется к основе мотивирующих инфинитивов, причем гласные финалы при этом отсутствуют, а им предшествующая парная твердая согласная чередуется с соответствующей мягкой (как *оползть* — *оползень*, *проливаться* — *проливень*)²⁹. Сюда же можно отнести и такие суффиксы, которые отсутствуют «в перечне словообразовательных морфем литературного языка: *-отень*, *-овень*», *-омань*. Они встречаются в отглагольных существительных, означающих «интенсивное действие» типа *стукотень*, *хрупотень*³⁰, *глухомань*.

5. Всякая хрень — начала XX века и смуть конца XIX

К интересующей нас группе слов закономерно отнести словечко городского просторечия XX века — *хрень* 'любая вещь, все что угодно, черт знает что, всякая дрянь', очевидно производное от прилагательного *хреновый*, как бы вмещающее в себя смысл абстрактного существительного *хреновина*, которое, в первую очередь, конечно, просто эвфемизм (*Чего вы, едрена-зелена, уши развесили, всякую хреновину слушаете да еще зубы скалите?* (Артем Веселый. 1924–1932) — оно в ТД 5 раз, но уже было и в ДР, а согласно НК ранее других встретилось у Куприна, еще в 1904). К нему же в параллель, с конца XX в., употребляется и новообразование с удлинением, со словосложением, как бы для пущей выразительности — *хренотень*.

Можно здесь же привести и уже такое выразительное современное и чрезвычайно распространившееся в молодежном жаргоне словечко, как *жесть*,

²⁷ *Рóвень* — 'ровность, гладкость' (СЯШ, ДС, но в СРНГ, со значением 'ровная поверхность, ровное место, равнина' — и только как Новг. Пск.). Ну, или исторически еще и чередованием в корне, как в *вопить* → *выль* (по Соболевскому и Ильинскому, Фасмер указывает на это слово как связанное чередованием с *вопить*, *воплъ*). В СРНГ из них есть только *дремь* — как 'дремота' Тамб. 1912, Сиб. и *непуть* — 'легкомысленный, беспутный человек' Влад. 1853, Нижегород. др. (но также и *непуть* — наречие в значении сказуемого 'неладно, нехорошо' Ряз.).

²⁸ О неологизмах сходного типа у Есенина и Шолохова — в (Михеев 2014).

²⁹ Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М. 1996, с.126–127.

³⁰ Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М. 2005, с.204. Или ср. у Гецовой (о суффиксах *-(о/е)тень*, *-ень*, *-овень* и др.): «отвлеченные существительные, мотивируемые глаголами, прилагательными, существительными, для обозначения действия, связанного с шумом или издавания звуков» (указ. соч., с.91).

практически вытеснившее из литературного языка слишком длинные «культурные» слова — *жестокость*, *жестокосердие*, *жестоконравие*, *жестокосердый* — и потеснившее само слово *жесть* в его исконном значении, как ‘луженое листовое железо’. (Эта *жесть* может использоваться и как выражение одобрения: *Просто жесть!* — в значении *Здорово! Восхитительно! Круто! Вот это да!*)

Или русское ругательство *блядь*, не в своем наиболее распространенном современном значении, а в прежних, по словарю Срезневского — 1) ‘обман’, откуда, по-видимому: 1а) ‘взор, пустяки, ерунда’, — и в то же время: 2) ‘обманщик’, откуда вероятно: 2а) ‘безумный’ и, собственно, 2б) ‘прелюбодейка’.

Как было сказано, активизация образования подобного рода слов была характерна для начала XX в., особенно его 10-х (в поэзии) и 20-х годов (в прозе): ср. у А. Ремизова *кипь работы* (1917) — вместо более обычных *кипение* или даже диалектного *кипень* ‘кипящая вода, кипяток’ Орл. Ряз.³¹; или у С. Кржижановского — *проступь* (*лазури, улыбки*) (1924, 1925), очевидно, от *проступить*. У последнего автора находим и целую серию слов подобного рода, в разных его текстах, как, например: *вскипь* — от *вскипать*; *налепь* (*афишного столба* — очевидно с ударением на первом слоге); *просыпь* (*снегопада*) (1929) и т. п.

Среди писателей, упражнявшихся в производстве подобных неологизмов, следует упомянуть еще и рано ушедшего (и пожалуй, более известного в свое время, нежели Кржижановский) — Андрея Соболя. Вот из его серии подобных неологизмов: *безлюдь* (вместо — *безлюдье* или *безлюдный*, *обезлюдеть*), *безмольв* (от *безмолвие* — видимо, с ударениями в первом случае на приставке, или же просто прибавлением приставки к Пушкинскому *мольв*? а во втором — на основе: *бэзлюдь*, но *безмóльв*), а также — *плавь* (от *плавать*), *стужь* (с параллельным *стужа*), *блеснь* (с параллельным *блеснуть*), *затохоль* (или *затухоль?* — *затухать/-нуть*).³²

Любил словечки такого рода также и Артем Веселый: в его романе «Россия, кровью умытая» (1924–1932) встречаем такой аналог современной *жести*, как *жестель* (по Далю: *жестель* — Ур.-каз. Тамб. ‘ветошь, прошлогодняя трава в поле; жесткая, мерзлая дорога’); а также *неудобь* (т. е. земли, неудобные для обработки); *хиль* (по Далю, ‘хворь, болезнь, немочь’ — от *хилый*), *сумь*,³³ *тумань* (*кисельная тумань* — при наличии вполне нейтрального в языке слова *туман*) и т. п.

Вполне возможно, что мода на такие слова ведет свое происхождение и с 10-х годов XX в. — от языковых игр «эго-футуристов»: у Игоря Северянина в ходу были вольно-сокращенно-манерные словечки типа *влажь*, *воль*, *лунь*, *хрупь*, *юнь* (соответственно от *-влажный* вместо *влага/влажность*³⁴, *воль-*

³¹ Шолохов добавит сюда еще и *киповень*.

³² *Пышет печурка второй день, кипит на ней кастрюлька с вином, плавится сахар, корица пряно просится в жаркую плавь; Христианские избы по трубы — по горло — ушли в розовеющую цветень, еврейские домишки более хлопотливые, вылезли тормозливо вперед.* — Все примеры взяты из одного его сборника рассказов «Когда цветет вишня» (1924).

³³ Возможно — производное от *сумить*, по Далю, с двумя значениями: ‘образовывать складки, морщины’ и ‘свести с ума’ (так сумасшествие или морщинистость?).

³⁴ У Кржижановского потом из этого появится: *чавкающая слизь и влажь* (1930).

ный — вместо *воля/вольность*, *лунный* (ср. ниже), *хрупкий*, *юный*; у Василия Каменского — даже *бирюзовь*, *звучаль*, *зовь*, *изумрудь* и *раздоль*.³⁵ Нельзя не отметить искусственности таких словопорождений.

При этом зафиксированное в словарях встречается в языке художественной литературы еще ранее, по крайней мере, такие слова использовались в прямой речи неких «народных» персонажей в прозе, например, у Мамина-Сибиряка: — *От него вся смуть пошла* («Три конца» 1890)³⁶. Тут не вполне ясно, что имеется в виду: возможно, *смуть* вместо слова *смута* или же как некая контаминация со словом — *муть*. Но все-таки это уже имеющееся, а не придуманное слово, так как по СРНГ, *смуть*, с пометами Устар. и Обл., то же что *смутн'я* — т. е. 'раздор, ссора, нелады' Пск. Твер. и др. Однако если писатели «народнического» направления, придерживаясь все-таки реальных фактов, добросовестно заимствовали слова из говоров, то, как представляется, столичные литераторы («золотая молодежь» серебряного века) себя какими-либо рамками не ограничивала.

Всплеск их словотворчества, направленного на слова с нулевым суффиксом, и пришелся как раз на 10–20-е годы XX века. Но сама тяга к словечкам подобного рода существовала и ранее, в XIX-м: способы изображения в беллетристике народной речи традиционно включали в себя как бы намеренное «укорочение» тех слов, которые воспринимались как *интеллигентские*, а потому как бы и инокультурные. Вот у Достоевского: *С глазу на глаз сидим, чего бы, кажется, друг-то друга морочить, комедь играть?* («Братья Карамазовы» 1880)³⁷. Ну, или ставшее популярным в просторечии слово *закусь*: *А булки-то у вас чем подмазаны? Нет, уж лучше так, без закуси. Икру-то почему покупаете?* (Н. А. Лейкин. «Его степенство» 1879–1898).

6. Молчь и мертвь (Пильняк, Кржижановский и др.)

Но вернемся в 20-е годы XX века. Вот у Пильняка очевидно искусственное слово — *мертвь*³⁸: от прилагательного *мертвый* или от глагола *мертветь/мертвить* — придуманное, по-видимому, для «оживления» менее экспрессивного

³⁵ Ты сплошная хрупь, ты вся улыбка... — эта цитата из Северянина — как бы уже пародийная (К. Чуковский «Эгофутуристы» 1922).

³⁶ Впрочем далее в глубину я этот вопрос не исследовал: возможно, традиция образования такого рода манерных, «галантерейных» слов существовала и раньше.

³⁷ Ср. в СРНГ: *комедь* — 'о чем-либо очень смешном' Смол. 1858 — вместе с *комедья* Твер. 1897 (в ДС нет); *мблочь* 'молодой побег растения' Твер. 1855; 'молодая поросль леса' Иркут. 1852, Волог.; 'молодежь' Сл.Ак.Р. 1847 с пометой Стар., Бурят. 1968 (при наличии также *молодьга* Смол. 1914 и *молод'яжь* Твер. 1936). Или уже современного просторечного *трагедь* или *прбстьнь* — разг. 'простыня' (Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб.: Норинт. С. А. Кузнецов. 1998) (в СРНГ нет). Укорочение слов было свойственно и революционной стилистике, что проявилось в словосложении из усеченных основ.

³⁸ В каждом человеке, все же, крепко сидит дикарь: эти земли, эта пустыня, эта мертвь — прекрасны, здесь никто не бывал, — так прекрасно и страшно видеть, изведать и знать первый раз! («Заволочье» 1925).

да и более длинного — *мертвечина*³⁹. Возможно, впрочем, неологизм создан и чуть раньше — или независимо — Кржижановским: ... *мои первые московские кошмары с их ... тупой тоской глухих и мертвых переулков, то подводящих, близко-близко к сиянию и гулу большой и людной площади, то вдруг круто поворачивающих назад в молчь и мертвь, — все эти кошмары, повторяю, в сущности, и были моими первыми сонными ощупями Москвы ...* («Штемпель: Москва ...» 1925). — Тут же кстати и *молчь*, в которой обращает на себя внимание переключка — возможно вполне сознательная, этого слова с исходным пунктом нашего описания — Пушкинской *молвью*. Итак, понятно, что имеющая вполне законные традиции построения слова модель делается повышенно востребованной и активно тиражируется (подчас доходясь до самопародии) в первые десятилетия XX века.⁴⁰

С отгагой языкового демиурга перефразировав Пушкинское — *Из мелкой сволочи вербуну рать*, Есенин, как известно, дерзко провозгласил следующее:

Слова — это граждане, я их полководец, я веду их, мне очень нравятся слова неопределенные, я ставлю их в строй как новобранцев, сегодня они не указаны, а завтра будут в речевом строю такими же, как вся армия» (из предисловия к сборнику «Стихи скандалиста» 20 марта 1920. Берлин).

И то же самое, по сути, «замутнение» исходного значения — только не такое изящное, как в поэзии, — достигалось в результате языковых операций Шолохова. Солженицын — скорее в стороне от этого пути, избрав для себя, в целях реанимации «живого великорусского» — экзотизмы другого рода, на твердый согласный (очевидно, чтобы не совпасть со своим политическим антагонистом).

Так или иначе, мы видим, что и Есенин, и Шолохов (последний — на десятилетие позднее) практикуют общий прием. Шолохов вполне мог почерпнуть его как из стихов, так и из прозы Есенина, творчество которого было ему близко по духу. Соответствующие маркеры стиля как у первого (в прозаической повести «Яр»), так и у второго, в романе «Тихий Дон», можно рассматривать как серии слов, создающие «народный» колорит, при том что иногда лексика может отходить от исходно родного авторам диалекта (у Есенина — от рязанского, у Шолохова — от донского), включая в себя просторечие и неологизмы, порождаемые обоими в духе литературного сказа — Петра Ершова, Николая Лескова, Алексея Ремизова... Но далее то, что было экспрессемой — диалектным, просторечным выражением или авторским неологизмом, часто пополняет язык — просто как

³⁹ В СРНГ слова *мертвь* нет, в близком к нему значениях есть только *мертвó* и *мертвятина* — «мертвечина, падаль» Новг. 1855; а также *мертвиться* «умирать» Арх.; у Даля еще и *мертвель* — «умерший, покойник, побывшийся, умирашка»). Другой пример у того же Пильняка (оттуда же): *нужен был год Арктики, сотни миль дрейфующего льда, умиранье, мертвь, — чтобы скинуть со счетов жизни этот год.*

⁴⁰ Она же остается, как будто, актуальной для языка поэзии и в наши дни, в начале XXI-го века: скажем, в стихотворениях Н. Азаровой (об опавших листьях): *перед-лицом / сухая кинь / разноцветная или: чопорно прочь / юбилейная млеть*. (Очевидно от *кинуть* и — *молоть*? или же омофон глагола *млеть*?)

его стилистический вариант (как мы видели вначале, в Пушкинских *молви* и *шипе*). Шолохов совершенно очевидно вдохновлялся примером Есенина, что ясно не из заимствований отдельных слов (как раз пословных совпадений у них мало), но главное — из использования самой языковой модели для порождения поэтических архаизмов или диалектизмов.

Итак, вспомним, на чем настаивал Пушкин: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка».⁴¹ Пусть в нем умножаются стилистические регистры.

Литература

1. *Войлова К. А.* Семантика и функции имен существительных, образованных безаффиксным способом, в прозе Ф. А. Абрамова // Семантика слова и словоформы в тексте. М.1988.
2. *Галкина-Федорук Е. М.* О стиле поэзии Сергея Есенина. М.: МГУ, 1965.
3. *Гецова О. Г.* Словообразование // Русская диалектология (под ред. Л. Л. Касаткина). М. 2005.
4. *Даньдань У.* (Харбинский педагогический университет). Эстетика авангарда в художественной концепции С. Есенина // Филологические науки 2014.
5. *ДС* — Большой толковый словарь донского казачества. М. 2003.
6. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М. 1996.
7. *Михеев М.* Заметки о стиле Сирина: еще раз о не-русскости ранней набокковской прозы // Логос № 11/12, М. 1999.
8. *Михеев М.* Переключки «Яра» Есенина с «Тихим Доном» Шолохова — сюжетные, мотивные и текстуральные заимствования // Вестник МГУ. Серия 9.
9. *Филология.* 2014 № 2 [в печати]
10. *НК* — Национальный корпус русского языка — <http://ruscorpora.ru/search-main.html>
11. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. [часть] II. Об именах существительных, изд. 2, СПб., 1850.
12. *Плунгян В. А.* *Жуть и жуткий*: от мистицизма к просторечию // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М.: Азбуковник, 2013.
13. *Пожарицкая С. К.* Русская диалектология. М. 2005.
14. *РСЯР* — Русский словарь языкового расширения. Сост. А. И. Солженицын. М. 2000.

⁴¹ Автор статьи благодарен за ее неоднократные обсуждения, с выражением несогласия (весьма ценного), в разное время и в разных формах, следующим лицам: Анне Зализняк, Николаю Перцову и Софье Константиновне Пожарицкой (хотя не на все замечания последней успел среагировать).

15. *Рукопись* — Шолохов М. А. Тихий Дон. Факсимильное издание рукописи. Книга 1 и 2 [Части 1–5: черновые и беловые варианты автографов Шолохова, его жены и свояченицы]. М.-Киев-Париж, 2005.
16. *Смирнов А. А.* Чтения «Тихого Дона». Чтение первое. Предварительный образ стиля (2001, 16 июля) — <http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=0211&oid=021>
17. *Чуковский К.* Живой как жизнь. Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей. 1966.

References

1. *Vojlova K. A.* Semantika i funktsii imen sushhestvitel'nykh, obrazovannykh bezaffiksnym sposobom, v proze F. A. Abramova // Semantika slova i slovoformy v tekste. M.1988.
2. *Galkina-Fedoruk E. M.* O stile poezii Sergeya Esenina. M.: MGU, 1965.
3. *Getsova O. G.* Slovoobrazovanie // Russkaya dialektologiya (pod red. L. L. Kasatkina). M. 2005.
4. *Dan'dan' U.* (KHarbinskij pedagogicheskij universitet). EHstetika avangarda v khudozhestvennoj kontseptsii S. Esenina // Filologicheskie nauki 2014.
5. **ДС** — Bol'shoj tolkovyj slovar' donsogo kazachestva. M. 2003.
6. *Efremova T. F.* Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nykh edinit russkogo yazyka. M. 1996.
7. *Mikheev M.* Zametki o stile Sirina: eshhe raz o ne-russkosti rannej nabokovskoj prozy // Logos № 11/12, M. 1999.
8. *Mikheev M.* Pereklichki «Yara» Esenina s «Tikhim Donom» SHolokhova — syuzhetnye, motivnye i tekstual'nye zaimstvovaniya // Vestnik MGU. Seriya
9. *Filologiya.* 2014 № 2 [v pechati]
10. **НК** — Natsional'nyj korpus russkogo yazyka — <http://ruscorpora.ru/search-main.html>
11. *Pavskij G. P.* Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka. [chast'] II. Ob imenakh sushhestvitel'nykh, izd.2, SPb., 1850.
12. *Plungyan V. A.* ZHut' i zhutkij: ot mistitsizma k prostorechiyu // Avtorskaya leksikografiya i istoriya slov: K 50-letiyu vykhoda v svet «Slovaryya yazyka Pushkina». M.: Azbukovnik, 2013.
13. *Pozharitskaya S. K.* Russkaya dialektologiya. M. 2005.
14. **РСЯР** — Russkij slovar' yazykovogo rasshireniya. Sost. A. I. Solzhenitsyn. M. 2000.
15. *Rukopis' — SHolokhov M. A.* Tikhij Don. Faksimil'noe izdanie rukopisi. Kniga 1 i 2 [CHasti 1–5: chernovye i belovye varianty avtografov SHolokhova, ego zheny i svoychenitsy]. M.-Kiev-Parizh, 2005.
16. *Smirnov A. A.* CHteniya «Tikhogo Dona». CHtenie pervoe. Predvaritel'nyj obraz stilya (2001, 16 iyulya) — <http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=0211&oid=021>
17. *Čukovskij K.* Živoj kak žizn'. Vysokoe iskusstvo. Iz anglo-amerikanskikh tetradaj. 1966.